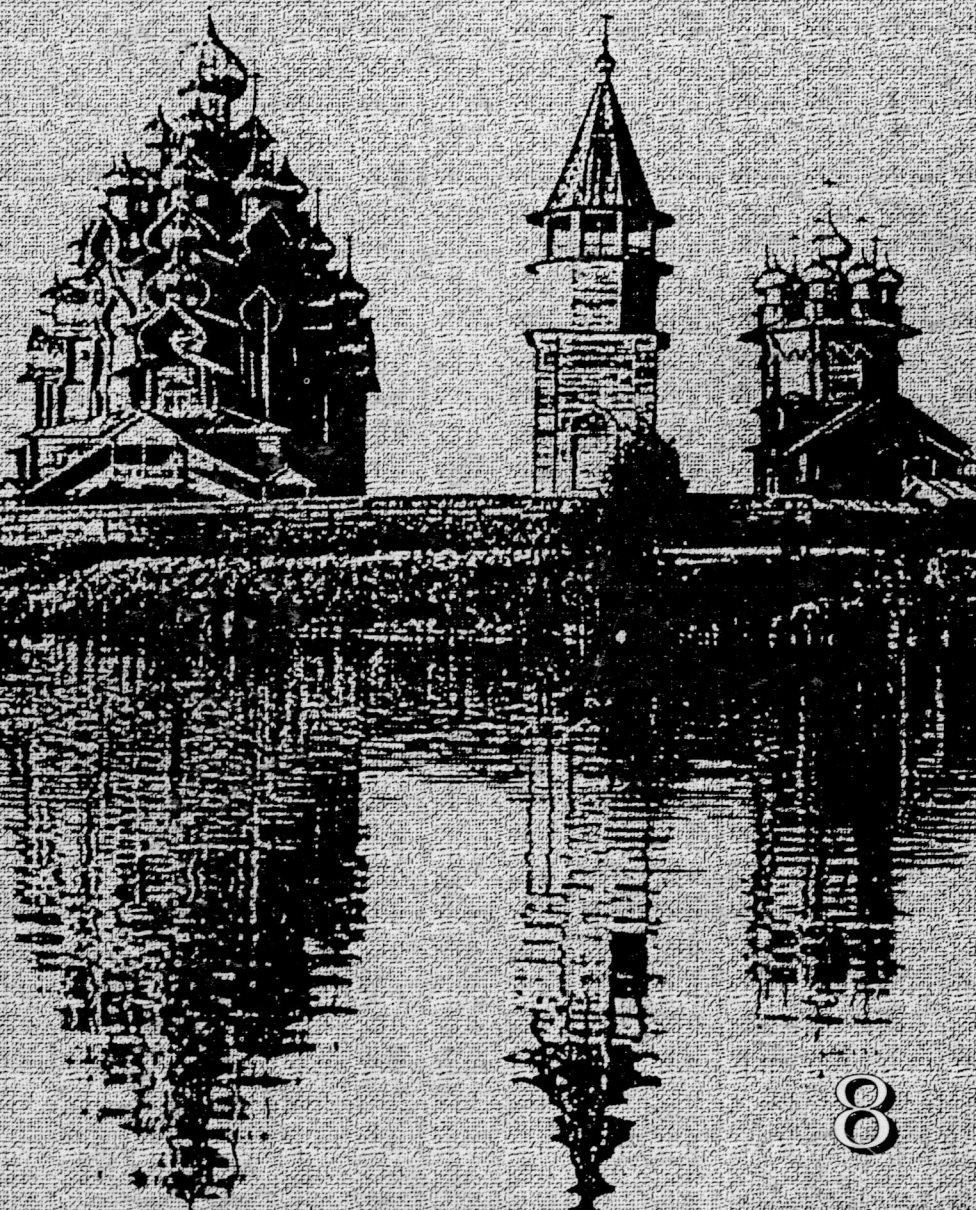

КИЖСКИЙ

ВЕСТНИК

Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»

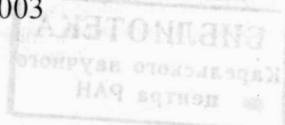
КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

(сборник статей)

В ы п у с к № 8

Петрозаводск

2003

146479K

ББК 63.5(2)
К 38
УДК 502.8(470.22)

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

Редактор-составитель И.В. Мельников

Рецензент В.П. Кузнецова

В восьмом выпуске «Кижского вестника» публикуются материалы и результаты исследований научных сотрудников музея-заповедника «Кижь», посвященных изучению историко-культурного наследия Заонежья и других районов Карелии.

154244K

ISBN 5-9274-0126-0

© Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь», 2003

И. И. Муллонен

**СТАРОЕ ЗАОНЕЖЬЕ:
ВЕПССКОЕ ИЛИ КАРЕЛЬСКОЕ?¹**

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников. Несколько десятилетиями позже известный русский лингвист А. А. Шахматов объяснял некоторые фонетические особенности в русских говорах Заонежья прибалтийско-финским воздействием. И. П. Гринкова, детально ознакомившаяся с рукописным наследием Шахматова и сама занимавшаяся исследованием севернорусских говоров, писала: «... особенности заонежских диалектов, выявляющие ряд фактов, несвойственных севернорусским говорам, вернее всего следует поставить в тесную связь с местными карельскими диалектами»². В последующие годы убедительные свидетельства прибалтийско-финского воздействия на язык заонежан были выявлены карельскими диалектологами. Обширный набор диалектных заонежских лексем с карельскими и вепскими истоками содержится в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», пять томов которого увидели свет в последние годы.

На сегодняшний день тезис о прибалтийско-финском наследии в языке Заонежья общепризнан. Знаменательно, однако, что исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепское и карельское начала или же, как, например, в работах Д. В. Бубриха³ и В. В. Пименова⁴, проводится мысль о вепских истоках языка, и особенно топонимии Заонежья. Провести границу между вепским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно не просто, поскольку речь идет о близкородственных языках. В результате топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходит к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не способна дифференцировать языковые коллективы.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а/с.

² Гринкова И. П. К изучению олонечских диалектов // А. А. Шахматов 1864–1920: Сборник статей и материалов / Под ред. Акад. С. П. Обнорского. М.; Л. 1947. С. 390.

³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

⁴ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Заонежские топонимы *Койгуба* (кой- < вепс. *koiv*, кар. *koivu* 'береза'), *Габсельга* (габ- < вепс. *hab*, кар. *hoara, huabe* 'осина'), *Лепнаволок* (леп- < вепс. *lep*, кар. *leppä* 'ольха') допускают в равной степени вепсскую и карельскую интерпретации. В этих условиях актуален поиск надежных критериев для разграничения.

Анализ конкретного топонимного материала Заонежья позволил наметить те направления, по которым можно сгруппировать факты карело-вепсского языкового противостояния. Среди них прежде всего специфические топоосновы, восходящие к оригинальной вепсской или карельской лексике. Таковых немного – и в силу отмеченной уже значительной идентичности карельских и вепсских топонимных моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов. Тем ценнее те метки, которые удается обнаружить. К ним относится более 30 надежных карельских, т. е. восходящих к лексемам, отсутствующим (и – что важно – отсутствовавшим) в вепсском языке, топооснов.

Среди них основа *сало-*, причем, очевидно, в значении 'остров', т. к. фиксируется в названии острова *Салоостров*, а также луды *Сальная Луда* в северо-восточном Заонежье. В карельских диалектах слово имеет значение 'большой дремучий лес, чашоба', а семантика 'остров' зафиксирована лишь в финских диалектах Саво и Хяме. В связи с этим встает вопрос об истоках топоосновы: было ли значение 'остров' присуще карельской лексеме *salu* в прошлом (на эту мысль наводят названия некоторых островов с элементом *salu-*, известные в собственно карельском и ливвиковском ареалах), или здесь наблюдается некое саволакское наследие, которое проникло в собственно карельский ареал, а затем с собственно карельским продвижением достигло Заонежья. Однако в любом случае основа не вепсская.

К дифференцирующим собственно карельским тополексемам относится зафиксированное в топонимах *Кумбовинья* (Сенная Губа), *Кумбушка* (Вырозеро), *Кумбово поле* (Кажма) слово *kumru, kumbu* 'холм, пригорок'. Показательно, что из трех карельских диалектов слово бытует только в собственно карельском и неизвестно в ливвиковском и людиковском. Его нет в вепсском языке. Все это дает полное основание возводить топонимы к карельскому наследию, причем в его собственно карельском варианте.

Название расположенного в окрестностях Яндомозера лесного озера *Лимбозеро* кажется достаточно загадочным, если не знать, что существовал параллельный вариант названия *Рымбозеро*, отразившийся, в частности, в колхозных списках сельхозугодий и на картах, хранящихся в НА РК (фонд 2341). Сосуществование вариантов *Лимбозеро* и *Рымбозеро* (из *Римбозеро) связано с известным фонетическим явлением мены *p* – *л* в русских говорах Заонежья. Помимо *Лимбозера*, она отразилась в таких топонимах окрестностей Яндомозера, как река *Нулица* ~ *Нурица* или урочище *Лигачевица* ~ *Ригачевица*. Ее следы отмечены и в лексике, в

частности, в областном слове *ольга*, зафиксированном П. Рыбниковым, а затем попавшем в словари В. И. Даля и Г. Куликовского. В действительности, как показал убедительный анализ С. А. Мызникова, речь идет о фонетическом варианте известного севернорусского диалектного слова *орга*, служащего для обозначения густого елового леса, поросшей лесом болотистой низины⁵. Возвращаясь к *Рымбозеру*, следует признать в его основе карельский ландшафтный термин *rimpi, gimbi* 'открытое безлесое болото, трясины'. Такая интерпретация подтверждается и ландшафтной характеристикой: озеро действительно окружено непроходимыми болотами.

Приведем в качестве показательного примера дифференцирующей карельской модели также топонимы с основным элементом *-лакиша* (< собств. карел. *lakši* 'залив'): *Койлакиша*, *Латилакиша* (Великая Губа), *Войлакиша*, *Муталакиша* (Сенная Губа), *Кидалакиша* (Падмозеро). Здесь наблюдается явное собственно карельское (в противоположность ливвиовско-людиковскому и вепсскому *lahti, laht*) оформление топоосновы.

В целом из списка, включающего более 30 дифференцирующих карельских топооснов Заонежья, значительная часть представлена в микро-топонимах, что свидетельствует в пользу относительно молодого возраста названий и соответственно относительной молодости карельских связей в языке и культуре Заонежья. Приведу еще несколько примеров: *Лехостров* (Кажма), *Лехтостров* (Уница): собств. кар., ливв. *lehto* 'лиственный лес', горка *Еряума* (Кижы), порог *Юрема* (Уница): собств. кар. *jugähmä* 'небольшая горка', покос *Тобий* (Кижы): ливв. *tobju* 'большой', поле *Пиндера* (Шуньга): собств. кар. *piennar, pienner*, люд. *piendar, pindar* 'край дороги (обочина), поля (межа)', острова *Палляк* (Кузаранда), *Палляка* (Шуньга): ср. производное от *paljas* 'голый, без растительности' *paljakka* 'голое, безлесое место', известное, в частности, в говорах Кайнуу, распространенных на северо-востоке Финляндии, в карельском пограничье; остров *Кабак* или *Кабач*, *Кабачья луда* (Шуньга): собств. кар. *kabakka, kabakko* 'о рельефе местности: неровный, с ямами и возвышениями'⁶ и даже *Садамгуба* (Типиницы): ср. фин. *satama* 'порт, гавань'.

Другой методический прием связан с избирательным подходом топосистем разных языков к использованию лексики. В самом деле общим словарным фондом вепсская и карельская система топонимов распоряжается по-разному. Лексема *halla* (вепс. *hal*) 'мороз, иней' известна в равной мере и карельским, и вепским диалектам. Однако она не нашла применения в

⁵ Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) в русских говорах Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1999). СПб, 2002. С. 88–89.

⁶ Основа хорошо известна, например, в топонимии Валаама, где она привязывается к островам, причем к таким, которые при приближении к ним по воде выглядят как ряд холмов, бугров, т. е. возвышения чередуются с участками низинного рельефа. См. подробнее: Муллонен И. И. Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание: сб. статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 50.

вепсской топонимии, в то время как в карельской достаточно продуктивна. На карельской территории, примыкающей к Заонежью с северо-запада, т. е. в бассейне Нижней Суны, известны руч. *Halloja*, бол. *Hallasuo*, заливы *Hallaksi*, *Hallalaksi*, остров *Hallasuari*. Этот ареал, собственно, продолжается в Заонежье, где есть *Галгуба*, *Галайгуба*, *Галайское болото*, *Галостров*, *Галово болото*. В вепсской топонимии та же идея (место, подверженное заморозкам) выражается иначе, с использованием лексической модели *külmä* - 'холодный'. В Заонежье, таким образом, представлена карельская модель, отсутствующая в вепсской топонимии.

В этом же ряду карельских топонимов должны, видимо, рассматриваться возникшие метафорическим путем наименования известных в разных углах Заонежского полуострова горок *Мальяшка*, *Мальяха*, *Малля*, восходящих к карельскому *malja* 'чаша, чашка, миска'. Вепсское лексическое соответствие *mal'* не получило распространения в вепсской топонимии.

Метод выявления дифференцирующих основ сопряжен с ареальной методикой исследования, т. е. выявлением путей проникновения дифференцирующих топонимных моделей в Заонежье. Показателем в этом контексте ареал распространения топонимов с основой *haiseva*, *haisija* 'пахнущий, пахучий'⁷. Исследования известного финляндского топонимиста Э. Кивиниemi показали, что эта выраженная причастием модель используется на территории южной Финляндии и Приладожья для называния зарастающих мелких водоемов или болотистых мест с имеющей неприятный запах водой⁷. Оттуда она распространяется в Карелию и представлена, в частности, в бассейне Суны (данные Д. В. Кузьмина).

В Заонежье, судя по нашей картотеке, карельская основа *haisija* воплотилась по крайней мере в трех топонимах северо-восточного Заонежья. Это покос *Гайжеги* в окрестностях Юсовой Горы в Кузаранде, а также озеро *Хашезеро* и обширный полуостров *Ажебнаволоок* у Шуньги. Этимология первого из этих названий не вызывает особых сложностей, поскольку оно было воспринято в русскую систему имен в полном соответствии с фонетическими закономерностями карельско-русского языкового контактирования. Два других требуют некоторых пояснений. Во-первых, они, безусловно, связаны между собой генетически: название расположенного в основании Ажебнаволока озера Хашезеро (мотив названия обусловлен, видимо, запахом озерной воды, вызванным зарастанием мелководного водоема, особенно в его южной части) послужило некогда основанием для рождения названия полуострова. Разный же фонетический облик топоосновы связан с закономерностями как рождения топонимов в карельской языковой среде, так и с последующей адаптацией его к русской системе названий.

В *Хашезере* сохранился начальный согласный карельской топоосновы, утраченный *Ажебнаволоком*, который в свою очередь сохранил ее конеч-

⁷ Kiviniemi E. Suomen partisippinimistöä. Ensimmäisen partisiihin sisältävät henkilö- ja paikanimet. Helsinki, 1971. S. 95-98.

ную огласовку. Карельский оригинал *Хашезера* выглядел, очевидно, как *Haisija/järvi, в котором произошло наложение идентичных по звучанию последнего слога топоосновы и первого слога детерминанта (т. н. гаплоглия): *Haisija/järvi → *Haisi/järvi > Хаш/езеро. В основе *Ажебнаволока* реконструируется карельское *Haisija/niemi (niemi ‘мыс, наволок’), в котором по законам фонетической интеграции конечное *-ja* переходило в *-ga*. На это указывают зафиксированные в старых источниках варианты Кажакгуба (1496) и Важогнаволок (1718)⁸. В свою очередь взаимозаменяемость *г ~ в ~ б* в севернорусских говорах объясняет появление *б* в *Ажебнаволоке*. Утрата же начального *h* связана с передвижкой ударения в русском варианте названия на второй слог, что ослабило звучение и без того слабого карельского *h*. Показательно в связи с этим, что в источниках XV–XVII вв. *Ажебнаволоке* зафиксирован в варианте *Жабнаволок*⁹, с утраченным полностью начальным *a* вследствие передвижки ударения первым слогом.

Пример с *Хашезером* свидетельствует о том, что в анализе топонимов ареальное исследование идет рука об руку с этимологическим. С одной стороны, ареализация – одно из необходимых условий этимологических штудий в топонимике, т. е. расшифровки содержания топонима. Оно устанавливает некие объективные рамки анализа и обеспечивает достоверность этимологии. С другой – во многих случаях только в ходе этимологического анализа реконструируется изначальный облик топонима, что позволяет ввести его в ряд однотипных образований, формирующих определенный ареал.

Третий критерий для различения карельского и вепского начала в топонимии Заонежья – фонетический, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепского и карельского языка, с другой – на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером – названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Залебжский или Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *gäme* (вепс. *gäm-*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. При такой интерпретации возникает, однако, одна сложность фонетического порядка: прибалтийско-финское *ä* в Заонежье приобретает вид *e*, но не *u*: *Мендостров* (*mändy, mänd* ‘сосна’), *Сергозеро* (*särgi, särg* ‘плотва’), *Нелгозеро* (*nälgä, nälg* ‘голод’ – основа, использовавшаяся, как правило, для называния бедных рыбой озер). Эту сложность можно преодолеть, если обратить внимание еще на одну примечательную деталь фонетической системы Заонежья: прибалтийско-финский дифтонг *ie* воспринимается здесь в русском употреблении как *u*: урочище *Литяги* (*liete, lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пиннаволоке* (*pieni* ‘маленький’) и др.

⁸ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 257, 259.

⁹ Там же. С. 261.

В ряду последних заманчиво рассматривать и топоним *Рим* как восходящий не к вепской или южнокарельской основе с гласным *ä* (*gäm-*), а к собственно карельской, имеющий вид *gieme*. Фонетический облик топонима несет указание на языковые истоки названия. Кстати, вывод о собственно карельском происхождении топонима Рим поддерживается названием самого куста поселений *Вырозеро*, которое в письменных источниках XVI–XVII вв. известно как *Вирозеро*. В основе топонима собственно карельское слово *viegä* ‘кривой, изогнутый’ (при вепском *vär*). Этимология поддерживается кривой, дугообразной формой озера, ныне называющегося Ганьковским¹⁰.

Подведем некоторые итоги. Вепско-карельская дистрибуция на деле выливается в поиск критериев, разграничивающих вепские и собственно карельские топонимные типы. Понятно, почему это происходит: вепское наследие в ливвиковском и людиковском не позволяет провести границу между вепским и карельскими элементами в полной мере корректно. Собственно карельские элементы представлены практически на всей территории Заонежского полуострова. При этом на западе Заонежья они выступают в людиковском контексте, который на востоке и северо-востоке Заонежья менее выражен. Анализ топонимии свидетельствует в пользу присутствия в ней мощного карельского элемента, формировавшегося в ходе неоднократного карельского внедрения в регион. Надо полагать, большое значение в карельском освоении Заонежья сыграли XVI–XVII вв., когда происходил значительный отток карельского населения из Северо-Западного Приладожья.

В этой связи следует отметить, что вепское наследие в языке и топонимии Заонежья, видимо, носит более ограниченный, более размытый характер, чем традиционно представляется. Оно просматривается в некоторых разрозненных топоосновах, восходящих к дифференцирующим вепским лексемам:

д. *Пурдега*, мыс *Бурднаволок* (Кажма), покос *Бурда* (Яндомозеро): вепс. *purde* ‘ключ, родник’, слово неизвестно в карельских говорах, однако присутствует в качестве топоосновы в людиковском ареале, где, видимо, может рассматриваться как вепское наследие;

зал. *Кара*, мыс *Карнаволок* (Толвуя): вепс. *kaга* ‘небольшой залив, бухта’. В другой связи нам уже приходилось отмечать, что обычное, широко распространенное на вепской территории и неизвестное в целом карельскому языку слово в то же время присутствует – в качестве вепского наследия – в топонимии на людиковской территории, а также русских Заонежья и Пудожья¹¹;

покос *Парчема*: вепс. *paгč̄om* < **paгžč̄om* ‘место заготовки леса’.

При анализе топонимии Заонежского полуострова складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосред-

¹⁰ Муллонен И. И. Вырозеро // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск, 2000. С. 157–165.

¹¹ Она же. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 162–165.

ственного вепско-карельского контакта. Поскольку русская колонизация Севера прошла практически по тем же путям, которые были освоены вепсами, то рано начинается их обрусение. В результате карелы, продвинувшиеся в Заонежье из Приладожья, соприкоснулись здесь уже с обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепсская по происхождению топонимия воспринималась карелами через русское посредство. На основной территории Заонежья не сложилась людиковская речь, которая, как известно, является результатом вепско-карельского языкового сплава. Лишь на западе Заонежья вепско-карельское контактирование произошло напрямую, без русского посредства.